

КНЯЗЕВА ЖАННА ВИКТОРОВНА*jeanna.kniazeva@mail.ru*

Доктор искусствоведения, ведущий научный сотрудник сектора музыки Российского института истории искусств

190000, Санкт-Петербург
Исаакиевская пл., 5

JEANNA V. KNIAZEVA*jeanna.kniazeva@mail.ru*

Doctor of Fine Arts, Senior Research Fellow of the Music Department of the Russian Institute for the History of the Arts

5 Isaakiyevskaya Sq.
St. Petersburg 190000
Russia

АННОТАЦИЯ**К истории нескольких несостоявшихся защит в Базеле. Из переписки Жака Гандшина с Густавом Ризом, Карлом-Алланом Мoberгом, Хайнрихом Бесселером**

Статья представляет публикацию с комментарием неизвестного прежде письма (1937 года) американского музыковеда Густава Риза российскому швейцарцу Жаку Гандшину. В этом документе молодой Риз выражает желание защитить диссертацию в Базеле и просит Гандшина принять его в число своих учеников. На основании анализа нескольких корреспонденций Гандшина в статье рассмотрены причины его отказа. Представленные материалы позволяют по-новому взглянуть на взаимодействие американской и западноевропейской музыковедческих школ второй четверти XX века.

Ключевые слова: Густав Риз, Жак Гандшин, Карл-Аллан Мoberг, Хайнрих Бесселер, история музыковедения, Швейцария, Базельский университет, наука XX века

ABSTRACT**Exams in Basel. Jacques Handschin's Correspondence with Gustav Reese, Karl-Allan Moberg and Heinrich Besseler**

In a letter to Russian Swiss Jacques Handschin dated 7.10.1937, young American musicologist Gustav Reese expressed his wish to become Handschin's student and to defend his thesis in Basel. Based on Handschin's academic correspondence, the article comments on Reese's proposal and discusses possible reasons for Handschin's refusal. Reese's request and Handschin's letters are taken as examples for the interaction between American and West European musicological schools in the second quarter of the twentieth century.

Keywords: Jacques Handschin, Gustav Reese, Karl-Allan Moberg, Heinrich Besseler, history of musicology, Switzerland, University of Basel, science of the 20th century

Жанна Князева

К ИСТОРИИ НЕСКОЛЬКИХ НЕСОСТОЯВШИХСЯ ЗАЩИТ В БАЗЕЛЕ

ИЗ ПЕРЕПИСКИ ЖАКА ГАНДШИНА С ГУСТАВОМ
РИЗОМ, КАРЛОМ-АЛЛАНом МОБЕРГОМ,
ХАЙНРИХОМ БЕССЕЛЕРОМ

Проведенные в последние годы исследования международной корреспонденции российско-швейцарского музыковеда и органиста Жака Гандшина (Handschin; 1886, Москва — 1955, Базель)¹ и, в частности, находки, сделанные в 2016–2017 годах в американских архивах, позволили приступить к изучению контактов Гандшина с американской музыковедческой школой. В 2016 году вниманию научного сообщества были представлены документы первых послевоенных лет (начиная с 1945 года)². Результаты дальнейших исследований позволяют продолжить изучение этой темы, расширив ее временные и содержательные рамки.

Данная статья знакомит читателя с обнаруженным в Музыкальном отделе Нью-Йоркской публичной библиотеки письмом американского музыковеда Густава Риза, адресованным Жаку Гандшину³. Документ датирован осенью 1937 года и на сегодняшний день является самым ранним свидетельством прямого общения Гандшина с американскими коллегами. Он

¹ См. мои публикации последних лет, включающие в себя ссылки на новейшую исследовательскую литературу о Гандшине: [1], [2]. Выявление, сбор и изучение корпуса корреспонденции Гандшина происходит в настоящее время в рамках международного исследовательско-издательского проекта, проводимого автором данной статьи в Российском институте истории искусств (РИИИ, Санкт-Петербург).

² Материалы, касающиеся сотрудничества Гандшина с Американским институтом музыковедения в Риме, были представлены мной на Второй международной конференции, посвященной Жаку Гандшину, в РИИИ, 11–13 апреля 2016 года; в настоящее время эти материалы готовятся к изданию на русском и английском языках.

³ Gustave Reese papers, Music Division | JPB 92-71. Serie 1: General Correspondence. Folder 509.

отодвигает прежнюю верхнюю границу исследуемого периода на долгие восемь лет, вводя нас в довоенное время и позволяя составить более полное представление об истории контактов Гандшина с американской научной школой. Отмечу, однако, сразу, что предлагаемый в данной публикации анализ не претендует на исчерпывающую полноту, поскольку пока не изучено иное эпистолярное наследие Риза. Исследование этого корпуса документов (хранящегося в Нью-Йорке, в указанном фонде), возможно, позволит со временем ответить на некоторые вопросы, которые будут поставлены в настоящей статье. Данная публикация опирается, прежде всего, на анализ эпистолярия Гандшина и, помимо письма Риза, включает документы из переписки Гандшина с музыковедами Карлом-Алланом Мoberгом (Carl-Allan Moberg, Швеция)⁴ и Хайнрихом Бесселером (Heinrich Besseler, Германия)⁵.

Благодарю сотрудников Нью-Йоркской публичной библиотеки за предоставление электронной копии публикуемого письма. Дорогих американских коллег Морин Кар (Maureen Carr), Чарльза Юменса (Charles Youmans), Ричарда Тарускина (Richard Taruskin), Джона Надаша (John Nádas), Элизабет Харрис (Elizabeth Harris) и Дженни Корнс (Jenny Kornс), а также музыковеда из Базеля Хайди Циммерман (Heidi Zimmermann; Швейцария) — за содействие в розыске источников в архивах США и консультации при подготовке этой статьи.

* * *

Густав Риз (Gustave Reese; 1899–1977) — американский музыковед, родом из Нью-Йорка, изучал в университете своего города сначала юриспруденцию (стал бакалавром в 1921 году), а затем музыковедение (бакалавриат 1930 года) Уже с 1927 года Риз преподавал историю средневековой музыки и музыки Ренессанса, читал лекции во многих американских университетах. Он также работал в издательской компании Ширмера (G. Schirmer, Inc.), где в 1940–1945 годах возглавлял один из отделов, а в 1944–1945 годах был редактором старейшего в Америке академического музыкального журнала *The Musical Quarterly*.

Риз входил в ту группу ученых-музыковедов, которая в 1934 году создала Американское музыковедческое общество (AMS), работал вместе со знаменитым Отто Кинкельдеем (Otto Kinkeldey) — первым президентом Общества. Риз был секретарем AMS в 1934–1946 годах, вице-президентом с 1946 года и президентом с 1950 по 1952. Самые известные научные работы

⁴ Выявленная на сегодняшний день переписка Ж. Гандшина и К. А. Мoberга насчитывает 49 писем за период 1934–1947 годов и хранится в двух собраниях: в архиве К. А. Мoberга (Архив города Уппсалы, Швеция; = UpsSA) и в архиве Ж. Гандшина (Институт музыкознания Вюрцбургского университета, Германия; = HN).

⁵ Переписка Ж. Гандшина с Х. Бесселером хранится в архиве Ж. Гандшина (Вюрцбург). В настоящее время она готовится к изданию под редакцией профессора Томаса Шиппергеса (Thomas Schipperges, Тюбингенский университет, Германия).

Риза — две его книги: по истории Средневековой музыки [11] и по музыке Ренессанса [12], — и сегодня считаются в Америке образцовыми трудами, необходимыми музыковедам при изучении данных эпох.

Риз принадлежит к числу ученых-музыковедов, которыми гордится Америка. В отличие от многих других исследователей в тот ранний период, каким для американского музыкознания был рубеж 1920–1930-х годов, Риз и по рождению, и по образованию был коренным американцем: он учился в Америке, строил именно там свой научный путь и всем, чего достиг, был обязан именно американской научной школе. При том огромном влиянии, которое оказала наука западноевропейская (прежде всего, немецкая и более всего после 1933 года) на американское музыковедение, это отнюдь не рядовой случай.

А теперь обратимся к письму Риза Гандшину. Оно датировано 7 октября 1937 года (в конце документа помечено: «GR:AM», то есть письмо было написано утром этого дня) и представляет собой одну страницу машинописной копии. Оригинал послания в архиве Гандшина пока не обнаружен. Риз пишет (по-английски⁶):

Мой дорогой профессор Гандшин,

Денежная сумма поступила на мой счет, что позволит мне провести год в Европе. В это время я намерен заняться исследованиями и попутешествовать, а также — это основной план — завершить книгу по музыке Средневековья и Ренессанса, на которую у меня контракт с одним американским издателем. Я получил оба разрешения на отпуск — от Schirmer's, где я работаю в издательском отделе, а также с The Musical Quarterly и от Университета Нью-Йорка, где я преподаю. Мне придется ненадолго задержаться в Риме, однако большую часть времени я волен ездить, куда захочу.

Мне посоветовали представить часть книги как диссертацию, и пока буду в Европе, потрудиться и получить докторскую степень. Если такой совет обоснован, то кроме Вас нет никого, под чьим руководством мне следовало бы получить степень. Цель этого письма — спросить Вашего совета и узнать, каковы были бы условия, если бы я выступил соискателем степени в Университете Базеля. Буду Вам крайне благодарен, если Вы ответите мне при первой для Вас возможности, адресовав письмо на мое имя в Американскую академию в Риме (Porta San Pancrazio), Rome (29), Italy.

Прилагаю рекомендательное письмо к Вам, которое мне любезно дал доктор Карлтон Спрэг Смит из Публичной Библиотеки Нью-Йорка.

Искренне Ваш⁷

⁶ Все переводы (с английского и немецкого языков) в данной статье выполнены ее автором.

⁷ Оригинальный текст письма:
My dear Professor Handschin:

A sum of money has recently been placed at my disposal that will make it possible for me to spend a year in Europe. During this time I intend to do some studying and traveling and also — this is the main project — to finish a book on Medieval and Renaissance music, for which

Таким образом, из этого письма мы узнаем, что в октябре 1937 года Риз собирался на год (то есть, по-видимому, на 1938 год) ехать в Европу и даже уже получил финансирование на эту поездку («сумма денег поступила на счет»). В Европе он намеревался работать над завершением книги о музыке Средневековья и Ренессанса и часть этого исследования представить как диссертацию на защиту.

Первый, сразу возникающий вопрос — о самой поездке. Из письма Риза следует, что он едет в Американскую академию в Риме⁸: именно ее адрес он дает для своей почты и пишет, что ему придется задержаться в столице Италии. Действительно, по сведениям, любезно сообщенным мне архивистом Академии Дженни Корнс, материалы архива Академии сохранили небольшую вырезку из ее новостей от первых чисел октября 1937 года (2-го или 9-го); в ней Риз указан как стипендиат по музыкознанию (и назван при этом «блестящим молодым исследователем»). Следовательно, упоминаемая в письме сумма денег, поступившая ему на счет, — не что иное, как стипендия Американской академии в Риме.

Однако странным образом имя Риза отсутствует во всех дальнейших документах Академии, в списках ее стипендиатов. Он точно получил стипендию — но вот приехал ли он в Рим? Материалы архива Академии этого не подтверждают. И в опубликованных сведениях из биографии самого Риза (как она представлена в некрологе и в энциклопедических статьях: [13], [5], [14]) мне не удалось отыскать ни единого упоминания о том, что в 1930-е годы Риз столь длительно жил в Европе, да еще и пытался защитить там диссертацию. Можно предположить, что поездка не состоялась — хотя и деньги были получены, и отпуск взят.

I have a contract with an American book publisher. I have obtained leaves of absence both from Schirmer's, where I am active in the Publication Department as well as in connection with The Musical Quarterly, and from New York University, where I teach. I shall have to stay in Rome for a short while, but I shall be free to move about where I choose the greater part of the time. It has been suggested to me that a portion of the book might perhaps prove acceptable as a dissertation and that it might be possible for me, while in Europe, to work for and obtain a doctor's degree. If the suggestion is well-founded, there is nobody under whose guidance I should rather obtain a degree than yourself. The purpose of this letter is to ask you for advice and to find out what the requirements would be if I were to seek a degree from the University of Basel. I should be most grateful if you would let me an answer at your early convenience, addressed to me in care of the American Academy in Rome (Porta San Pancratio), Rome (29), Italy.

I am enclosing a letter of introduction to you which Dr. Carleton Sprague Smith of the New-York Public Library has been kind enough to give me.

Faithfully yours

⁸ Американская академия в Риме (American Academy in Rome) — член Совета американских зарубежных исследовательских центров (CAORC) — была основана еще в конце XIX века с целью предоставить американским ученым и художникам различных специальностей возможность совершенствоваться в Европе. Академия продолжает свою деятельность и сегодня (ее официальный сайт: <http://www.aarome.org/>).

Причины отмены стажировки могли быть разными (и деловыми, и частными). Не исключено, что свою роль сыграли при этом сгушавшиеся перед войной тучи на европейском горизонте. Однако уже само по себе намерение Риза совершить такую поездку наводит сегодня на размышления. Вернемся к планам ученого, о которых он сообщает Гандшину. В 1937 году Риз работает над книгой о музыке Средневековья и Ренессанса. Речь идет, вероятно, о некоем раннем, едином варианте работы, которая впоследствии составит основу двух его главных (упомянутых выше) книг о старинной музыке. Риз пишет, что он, следуя чьему-то совету, хочет представить часть этого исследования как диссертацию к защите — и просит Гандшина стать его научным руководителем.

Тон письма Риза и, в частности, обращение — «мой дорогой профессор Гандшин», звучащее неформально, — позволяют предположить, что к моменту написания письма ученые уже были знакомы, и, возможно, данное письмо — не первое в их переписке. Похоже, что прежде они говорили о возможности поездки Риза в Европу, и молодой ученый только ждал поступления денег, ведь прямо с этого он начинает письмо, без всяких введений и объяснений, — просто как продолжение начатого прежде разговора. Однако дальнейшее, а именно вопрос об обучении у Гандшина с перспективой защиты диссертации в Базеле, они, по-видимому, ранее не обсуждали — ничто в письме Риза не свидетельствует о том, что Гандшину знакома эта идея. Более того, именно просьбу об этом Риз называет главной целью своего послания и прилагает рекомендацию (она не сохранилась), данную ему коллегой из Нью-Йоркской публичной библиотеки, музыковедом Карлтоном Спрэг Смитом (Carleton Sprague Smith; 1905–1994).

Задержусь немного на этом имени. Если вопрос о прежнем знакомстве Гандшина с Ризом открыт, то со Смитом Гандшин был точно знаком, самое позднее, с весны 1936 года, когда они оба принимали участие в Третьем конгрессе Международного музыковедческого общества (IMS) в Барселоне. Больше об их отношениях мы пока ничего не знаем⁹. О самом же Смите известно, что ранее, в 1928–1930 годах, он обучался в Вене, где защитил диссертацию. Не исключено, что именно Смит посоветовал Ризу защититься в Европе и обратиться при этом за поддержкой к Гандшину как крупному и влиятельному специалисту по интересующей Риза теме¹⁰, а будучи лично знаком со швейцарским коллегой, дал и рекомендательное письмо к нему.

Примечательна, однако, категоричность формулировки в письме Риза: он пишет, что Гандшин — единственный, кого он видит своим научным

⁹ В архиве Гандшина нет писем Смита. В свою очередь, архив Смита (в Нью-Йорке) также не сохранил следов их переписки (см.: [15]).

¹⁰ Возможно также, что в обстановке нараставшего предвоенного напряжения в Европе ученых привлекала и нейтральность Швейцарии. Стабильность этого нейтралитета осенью 1937 года была, конечно, не очевидна, однако выглядела все же более обнадеживающей, чем положение близкой Смиту Австрии, которую уже весной следующего, 1938 года ждал аншлюс.

руководителем. Думается, что столь спрямленная фраза отразила не только желание автора письма сказать нечто приятное ученому, покровительства которого он ищет. Гандшин с 1935 года возглавлял музыковедческий семинар Базельского университета, а с весны 1936 входил в Директорию IMS. При этом в профессиональных кругах он был известен как защитник традиций, генетически восходящих к немецкой научной школе. В нейтральной Швейцарии после 1933 года Гандшин давал возможность свободного развития немецкоязычной музыковедческой мысли (см.: [6], [4]). Вместе с тем, столь же хорошо было известно и то, что Гандшин — убежденный франкофил российского происхождения, и его интеллектуальный горизонт категорически несводим к какой-либо одной (тем более, одной национальной) школе. Отсюда мог проистекать интерес к нему со стороны той части американских музыковедческих кругов, что ценили традиционное понимание профессионализма своей науки, ее исторический генезис, как и интернациональную современность научной мысли. Письмо Риза и его тон свидетельствуют, что к 1937 году имя Гандшина было известно и авторитетно в Америке¹¹.

О том, что произошло дальше, пока невозможно судить однозначно, поскольку неизвестно главное: получил ли Гандшин это письмо Риза. Если он его не получил, то отказ от поездки мог быть продиктован какими-то собственными соображениями Риза и только. Однако, зададимся вопросом, как выглядела ситуация, если предположить, что Гандшин получил письмо американского коллеги с просьбой принять его в ученики. Ведь опровержений такому ходу событий тоже пока нет. Чтобы проследить возможности второго сценария, обратимся к другой эпистолярной коллекции Гандшина — его переписке с музыковедом из Уппсальского университета Карлом-Алланом Мoberгом (1896–1978).

Мoberг еще в конце 1920-х писал кандидатскую диссертацию под руководством Петера Вагнера в швейцарском Фрайбурге и защитил ее в 1927 году в Уппсале. Затем, в 1934/35, он, возможно, думая о докторской защите, учился у Гандшина в Базеле¹². Из писем Мoberга Гандшину сохранились всего три, и в них нет информации о возможной его защите (или иных защитах) в Швейцарии. Однако в ответных письмах Гандшина (а их обнаружено 46) размышлений на эту тему больше, чем в какой-либо иной его корреспонденции. К тому же, исследование показало, что Гандшин очень

¹¹ Пока не обнаружены документы, которые позволили бы изучить истоки этой известности, то есть более ранние контакты Гандшина с американской наукой. Среди таковых контактов было возможное общение Гандшина с американскими коллегами на конгрессах IMS 1930-х годов: с О. Кинкельдеем в Кембридже в 1933 году и уже упомянутый выше возможный контакт с К. С. Смитом в Барселоне в 1936 году.

¹² Впоследствии Мoberг так и не защитит докторской диссертации. Однако и без нее он станет профессором по музыковедению в Уппсальском университете (1947), с 1945 по 1961 годы будет президентом Шведского музыковедческого общества — и заслужит репутацию одного из основоположников шведской школы академического музыкознания XX века.

доверял Мoberгу: столь по-дружески открытой переписки нет, пожалуй, более во всем выявленном на сегодняшний день (немалом) корпусе эпистолярного наследия швейцарского ученого¹³. Информация, сообщавшаяся Гандшиным Мoberгу, — нередко сугубо конфиденциальна и сопровождается репликами типа *entre nous* («между нами»).

Из материалов исследования, проведенного ранее Хайди Циммерман [16], известно, что после 1935 года у Гандшина было трое претендентов на защиту второй (хабилитационной, то есть докторской) работы. Это базелец Арнольд Гееринг (Arnold Geering; 1902–1982) и двое эмигрантов из Германии: Манфред Букофцер (Manfred Bukofzer; 1910–1955), ранее защитивший под руководством Гандшина кандидатскую диссертацию, а также выходец из Венгрии и прежний ученик Йоханнеса Вольфа в Берлине Отто Гомбози (Otto Gombosi; 1902–1955)¹⁴.

30 августа 1936 года Гандшин пишет Мoberгу:

Здесь пока никто не защитился, это не может произойти так скоро, и многое еще нужно обдумать. Работа Гомбози, которую он мне передал, не вполне удовлетворяет; возможно, ему придется сделать другую. Это между нами! Гееринг постепенно продвигается; работа Букофцера тоже еще далека от завершения, а кроме того возникают и другие, не только научные проблемы, хотя, конечно, наука должна оставаться главной¹⁵.

О каких «не только научных» проблемах говорит Гандшин? 15 февраля 1937 года он пишет:

Между нами: вопросы защит заставляют меня сильно поломать голову. Появление Гомбози, у которого уже есть готовая работа (чего нет у Букофцера и Гееринга) сделала ситуацию острой. Настроение на факультете неблагоприятно ни к подобному количеству, ни к эмигрантам, которые

¹³ И хотя Мoberг консультировался у Гандшина именно как ученик (и Гандшин беспощадно правил его тексты; эти редактуры занимают немалую часть их переписки), их эпистолярный диалог был, скорее, общением коллег, друзей (а не студента и строгого профессора). Отмечу, например, тот (разумеется, не определяющий, но выразительный) факт, что это единственная из деловых корреспонденций Гандшина, выдержанная почти целиком на «ты».

¹⁴ В дальнейшем А. Гееринг станет преемником Эрнста Курта в Университете Берна (1950), однако сам — как исследователь и мыслитель — не оставит большого следа в академическом музыкознании. А вот М. Букофцер и О. Гомбози войдут в историю науки XX века в ряду ярчайших ее представителей. Связанные между собой непростыми человеческими и профессиональными отношениями, профессор и двое его талантливейших учеников — Гандшин, Букофцер и Гомбози, — словно унесенные неким роковым дуновением судьбы, оставляют этот мир в один и тот же, 1955-й год.

¹⁵ Оригинал:

...Habilitation ist hier noch niemand, das kann nicht so bald geschehen und muss noch viel überlegt werden. Gombosis Arbeit, die er mir überreichte, befriedigt nicht ganz; viell[eicht] wird er eine andere machen müssen. Unter uns gesagt! Geering macht langsam vorwärts; Bukofzers Arbeit ist auch noch weit im Feld, und dann bieten sich eben hier noch andere, nicht nur wissenschaftliche Probleme, wenn auch natürlich die Wiss[enschaft] die Hauptmeisterin bleiben muss (Handschin — Moberg, 30.08.1936).

предположительно могут преградить путь местным. Я не могу, таким образом, прямо поддержать Гомбози [в его намерении] представить к докторской защите работу по танцевальной музыке Ренессанса. Но и препятствовать этому я тоже не могу¹⁶.

А в марте 1937 года (то есть чуть больше чем за полгода до получения письма Риза), Гандшин продолжает, отвечая на некое несохранившееся письмо Моберга:

Дорогой друг, легко проповедовать гуманность в стране, не переполненной эмигрантами и без иностранцев в университете! Именно поскольку я и сам наполовину эмигрант, я должен, не впадая в национализм, учитывать реальные факторы, которые определяют духовную жизнь. Среди них есть и вопрос, будет ли это хорошо и для самих эмигрантов, если их допустить туда, где, в конечном итоге, они вызовут сильное раздражение. Значит так, Гомбози подаст заявку, и там будет видно, как на это прореагирует факультет. Я объяснил всем троим, что не могу их обнадежить на этом пути, но и препятствовать тоже не могу¹⁷ [все подчеркивания принадлежат автору письма. — Ж. К.].

Из приведенной реплики видно, сколь серьезно Гандшин учитывал атмосферу в университете. Он ведь на собственном опыте знал, как нелегок путь «чужого»: к тому времени ученый уже пережил историю с несостоявшимся приглашением его в Мюнхен [9], а в Базеле был неизменно окружен напряженным и противоречивым к себе отношением¹⁸. Стоит обратить внимание на то, что в процитированном письме Мобергу (вероятно, в ответ на некую реплику последнего о том, что сам Гандшин, как эмигрант, может понять проблемы приезжих коллег) Гандшин подчеркивает, что он лишь наполовину эмигрант («Halbemigrant»). Эта ремарка примечательна, поскольку после отъезда из России (весной 1920 года) Гандшин неизменно

¹⁶ Оригинал:

...Unter uns: die Habil[itation]-Fragen machen mir viel Kopfzerbr[echen]. Durch das Auftauchen von Gomb[osi], der bereits eine fertige H[abilitation]-Schrift hat (was bei Buk[ofzer] & Geering nicht der Fall), sind die Sachen akut geworden. Die Stimmung in der Fak[ultät] ist nicht günstig, weder für solche Quantitäten [sic], noch für Emigr[anten], die event[uell] Einheimischen den Weg versperren. Ich kann also G[om]b[osi] nicht direkt ermutigen, seine Arbeit über Tanzmusik der Renaiss[ance]als Habil[itation]-Schrift einzureichen. Aber verhindern kann ich es auch nicht (Handschin — Moberg, 15.02.1937).

¹⁷ Оригинал:

L[ieber] Fr[eund], Es ist leicht, in einem Lande, das nicht von Emigranten überflutet ist und das keine Ausländer an der Un[iversität] hat, anderen Humanität predigen! Gerade weil ich halber Emigrant bin [unterstr. autogr. — JK], muss ich, ohne in Nationalismus zu verfallen, die realen Faktoren, welche das Geistesleben mit bedingen, im Auge behalten. Es ist auch eine Frage, ob man den Emigranten selbst einen Dienst erweist, indem man sie an Orte hereinlässt, wo sie schliesslich eine scharfe Animosität hervorrufen müssen. Nun scheint es, dass Gomb[osi] sein Gesuch stellen wird, & dann wird man sehen, wie die Fak[ultät] es aufnimmt. Ich habe allen dreien erklärt, dass ich sie nicht dazu ermutigen, aber auch nicht sie daran verhindern [unterstr. autogr. — JK] kann (Handschin — Moberg, 07.03.1937).

¹⁸ Об этом см. письмо Гандшина Мобергу 28.10.1949

акцентировал свое российское происхождение, в том числе научное (что, вероятно, и дало Мобергу повод в одном из писем указать тем или иным образом на эмигрантский статус ученого; см.: [7, 18]). Однако очевидно, что столь же неизменно Гандшин сопротивлялся любой попытке приписать себя к какой-либо группе, в данном случае к эмигрантам. Он видел свою задачу в ином (и именно в этом смысл его слов Мобергу): хранящая непричастность любым группировкам давала Гандшину шанс различить и учесть в работе «реальные факторы, которые определяют духовную жизнь». В этом состояла его цель и как ученого, и как организатора работы в руководимом им семинаре, тем более в столь сложный период, как исход 1930-х годов.

Однако время шло, а на защиту базельские соискатели-музыковеды не выходили. Над Европой же стремительно сгущались сумерки войны. В 1939 году Букофцер и Гомбози при поддержке Гандшина уехали в Америку (см.: [16, 129–130]). Профессор продолжал следить за их судьбой там и 20 февраля 1940 года писал Мобергу:

У Букофцера дела в Нью-Йорке идут неплохо, поскольку он вовремя приехал, а вот у эмигрантов, которые там лишь с конгресса¹⁹, все сложнее. Что касается докторских защит, то до сей поры ответственность за их целесообразность лежала на мне, и это было нелегко. Вместо этой старой традиции теперь — новые либеральные правила, и я уже сообщил об этом Букофцеру и Гомбози²⁰.

То есть Гандшин не отказывался от своих подопечных и в начале 1940-х годов был готов продолжить работу по подготовке их защит в Базеле²¹. Однако в Европе к тому времени уже шла война. Ехать сюда, даже

¹⁹ Имеется в виду международный музыковедческий конгресс, состоявшийся 11–16 сентября 1939 года в Нью-Йорке. Под эмигрантами Гандшин, вероятно, подразумевает в первую очередь Отто Гомбози (об отъезде и американских годах жизни которого см.: [8]).

²⁰ Оригинал:

Bukofzer geht es im N[e]w York nicht so schlecht, weil er noch rechtzeitig hinkam, dagegen ist es für die Emigranten, die erst seit dem Kongress dort sind, schwieriger. Was die Habilitationen betrifft, so lag bisher die Verantwortung für die Zweckmäßigkeit auf mir, und das war nicht leicht. Anstelle dieser alten Tradition aber jetzt liberalistische neue Regeln, und ich habe Bukofzer und Gombosi bereits davon Mitteilung gemacht (Handschin — Moberg, 20.02.1940).

²¹ Какие именно «новые либеральные правила» были введены в Базеле, еще предстоит выяснить. Однако возможно, в связи с ними — а равно и с готовностью Гандшина помогать — некоторые шаги предпринял Букофцер. Об этом свидетельствует рецензия Гандшина на некую его (Букофцера) квалификационную работу; ее фрагмент, датированный 1943 годом, хранится в Вюрцбурге (HN). Анализ этого материала предстоит в специальном исследовании, посвященном диалогу Гандшина и Букофцера (и запланированном в рамках указанного выше проекта по изучению эпистолярного наследия Гандшина).

в нейтральную Швейцарию, было небезопасно²². В конечном итоге, как сегодня известно, ни Букофцер ни Гомбози не защитили докторских диссертаций. Гееринг защитился после войны, в 1947 году.

А теперь вернемся к Ризу. В письмах Мобергу, интенсивно обсуждая вопросы защит в Базеле, Гандшин ни разу не упоминает имени американского ученого. Конечно, в этом случае речь шла не о второй (докторской), а лишь о первой (кандидатской) диссертации; с Мобергом же, как мы видели, Гандшин обсуждал именно докторские (хабилитации). Однако, будь Риз так или иначе «на повестке дня», Гандшин, думается, упомянул бы и его, как умножающего и без того немалое число иностранных претендентов на защиты. Однако Гандшин молчит. Из этого следует, что либо он вовсе не получил письма Риза и не знает о его намерении, — либо он сразу отказал ему. Ведь Риз, хоть и не был эмигрантом, стал бы еще одним иноземцем в кругу соискателей. Не исключено, что отказ Гандшина последовал быстро, побудив Риза отменить поездку в Европу. Затем разразились военные события. Судя по имеющимся данным, защищаться позднее Риз не стал и сделал музыковедческую карьеру в Америке, не имея научной степени.

Позднейшая корреспонденция Гандшина доносит отголосок этих предвоенных событий. Весной 1946 года Гандшин писал в Германию Хайнриху Бесселеру, делаясь имевшимися у него новостями от коллег за рубежом:

Из Америки я получил новости от Шраде, который, кажется, говорит только по-английски, от Букофцера и Риза. Последний издал весьма толстую книгу о средневековой музыке, которая вышла там уже в 3-м издании, — чисто внешне она показалась мне весьма скрупулезной и совершенно несамостоятельной²³.

Речь здесь идет именно о той работе, которую девять лет назад Риз хотел предложить Гандшину в качестве кандидатской диссертации. С тех пор он ее завершил и издал. Как мы видим, Гандшин пишет в 1946 году, что судит о работе «чисто внешне...». То есть он ознакомился с ней лишь вскользь, сугубо поверхностно. А в представленном выше раннем письме

²² Как известно, Гитлер строил планы вторжения в Швейцарию (под названием «операция Рождественская елка» — «Unternehmen Tannenbaum»). Пик подготовки вторжения пришелся как раз на лето 1940 года (февралем которого датируется приведенное выше письмо Гандшина), военные же действия должны были развернуться в начале осени. Однако по сложному комплексу военных и политических причин операция была заморожена и, в конечном итоге, не состоялась.

²³ Оригинал:

...Ich erhielt Nachrichten aus Amerika von Schrade, der anscheinend nur noch Englisch spricht, von Bukofzer und von Reese. Letzterer hat ein ziemlich dickes Buch über mittelalt[erliche] Musik herausgebracht, das dorten schon in 3. Auflage erschien — rein von aussen gesehen, schien es mir ziemlich sorgfältig und ganz unselbstständig (Handschin — Bessler, 11.04.1946).

По данным исследователя переписки Гандшина с Бесселером Й. Бюхлера (Тюбинген, Германия) упоминаемое здесь Гандшиным «третье издание» книги Риза было лишь допечаткой тиража, поскольку работа пользовалась популярностью (электронное письмо Й. Бюхлера автору этой статьи, 6.04.2018).

Риза (1937 года) ничто не говорит о том, что американский ученый уже тогда показывал Гандшину текст своего исследования. По-видимому, первого варианта работы Гандшин не видел вообще. Таким образом, если он тогда, до войны, действительно, отказал Ризу, то сделал это, будучи с головой погруженным в уже имевшиеся организационные проблемы с соискателями. Работу Риза он не читал. Однако ситуация и вообще складывалась для последнего как безысходная, ведь если бы Гандшин и ознакомился с его исследованием, оно бы ему явно не понравилось.

Таков возможный сценарий истории с несостоявшимся обучением Густава Риза у Жака Гандшина. Представленные документы позволяют сделать и некоторые более общие наблюдения, касающиеся обоих ученых. Начну с Гандшина.

В начале 2000-х годов Хайди Циммерман посчастливилось работать с источниками, которые теперь (достойной сожаления волей их частных владельцев) оказались полностью закрыты научному исследованию. Это три — для рассматриваемой нами темы, важнейшие — эпистолярные коллекции из архива Гандшина: переписки Гандшина с самими кандидатами на докторские защиты, — Манфредом Букофцером и Отто Гомбози, — а также с коллегой Эрнстом Куртом, который тогда руководил музыкознанием в Берне, и к которому Гандшин (ввиду описанных выше проблем в Базеле) обратился с вопросом о возможности защиты своих подопечных там. (Однако получил отказ.) Анализ этих источников, проведенный Циммерман (см.: [16, 127–130]), позволил исследовательнице высказать некоторые предположения относительно как научных аспектов истории с защитами, так и «не только научных проблем» (которые Гандшин упоминал в цитированном выше письме Мобергу 1936 года).

Циммерман пишет об элитарности научных и научно-преподавательских убеждений Гандшина и (в сноске) продолжает:

Об этом не в последнюю очередь свидетельствует то обстоятельство, что за двадцать лет его ординариата [то есть руководства музыковедческим семинаром. — Ж. К.] лишь полдюжины диссертаций дошли до защиты, в то время как у Курта [в Берне. — Ж. К.] примерно за то же время состоялась 21 кандидатская защита, у Шербюлье [в Цюрихе. — Ж. К.] — 27²⁴.

Требования Гандшина к докторским диссертациям были, разумеется, еще выше. Как мы уже видели, его не удовлетворяли представленные в конце 1930-х годов исследования Гомбози и Букофцера (в недалеком будущем — звезд западного музыкознания), хотя он и не отказывался работать с ними.

²⁴ Оригинал:

Davon zeugt nicht zuletzt der Umstand, dass in den zwanzig Jahren seines Ordinariats nur ein halbes Dutzend Dissertationen zum Abschluss kam, während in einem vergleichbaren Zeitraum bei Kurth 21, bei Cherbuliez 27 Promotionen nachzuweisen sind [16, 140, Anm. 71].

Так проявляли себя научные идеалы Гандшина — то, что Циммерман назвала элитарностью ученого²⁵.

Однако документы, с которыми работала Циммерман, как и представленные выше материалы из переписки с Мобергом, открывают и иной аспект сюжета. Циммерман завершает свои размышления о намечавшихся, но так и не состоявшихся защитах у Гандшина следующим образом:

И все же его [Гандшина. — Ж. К.] дистанцирование [от Букофцера и Гомбози. — Ж. К.] производит впечатление несоразмерно жесткого, и стоило бы изучить вопрос о том, не поддался ли и либерально-консервативный Гандшин тому связанному с антикоммунизмом влиянию, что было направлено против «эмигрантов и евреев» и ощущалось в кулуарах конгресса IMS в Барселоне 1936 году. (Сноска: Это станет ясно из переписки Бесселера с Гандшиным)²⁶.

Данная реплика нуждается в особом комментарии. Здесь необходимо развести вопросы о кулуарах барселонского конгресса — и о несостоявшихся защитах у Гандшина. Тема барселонского конгресса — особая и требует отдельного неспешного разговора (как и вообще тема политических взглядов Гандшина, в том числе его предполагаемого «антисемитизма») ²⁷. Приведенные же выше документы помогают ответить на иной вопрос. Связанные с этими источниками «фигуры умолчания» (возможный отказ американцу Ризу и косвенный отказ шведу Мобергу) свидетельствуют о том, что Гандшин в своих решениях руководствовался все же не национальными критериями. (То есть не еврейское происхождение Букофцера и Гомбози стало причиной затягивания и в конечном итоге отказа от их докторских защит в Базеле.) В напряженной атмосфере конца 1930-х годов Гандшин, помимо высоких академических требований к работе, ориентировался

²⁵ Остается пока открытым вопрос, в каком соотношении находилась эта элитарность с возможной «ревностью» авторитарного (и нервного) Гандшина к своим наиболее талантливым ученикам, каковыми, несомненно, были блистательные Букофцер и Гомбози. Ответ, возможно, даст дальнейшее исследование корреспонденции Гандшина.

²⁶ Оригинал:

Dennoch wirkt seine Distanzierung unverhältnismäßig schroff und es wäre zu untersuchen, ob sich der liberal-konservative Handschin etwa doch auch beeinflussen ließ durch die Stimmungsmache gegen „Emigranten und Juden“, die verbunden mit Antikommunismus im Umfeld des Internationalen Kongress Barcelona 1936 grassierte (Anm. 32: Dies wird greifbar etwa im Briefwechsel Besseler-Handschin.) [16, 130].

Замечу, что наблюдения над этой темой позволяют сделать не только переписка Гандшина с Бесселером, но также — и, возможно, даже в большей мере — его переписка с каталонским коллегой Ижини Англесом (Higini Anglès), ученым, который не столь однозначно (как Бесселер) представлял одну из «партий» на конгрессе в Барселоне. (Хотя на этот счет есть и другое мнение, см.: [10, 116].) В настоящее время переписка Гандшина и Англеса также расшифрована и готовится к публикации в рамках указанного выше проекта по изучению эпистолярного наследия Гандшина.

²⁷ О некоторых аспектах политических воззрений Гандшина, отраженных в его переписке с И. Англесом, см.: [3].

также на политику Университета (которую мог сколь угодно не одобрять²⁸, однако не мог не учитывать), принимая при этом во внимание и собственный непростой опыт — положение «полуэмигранта» в Швейцарии. Он явно не хотел усиления и без того существовавшей в Базеле, в том числе и вокруг него самого, напряженности вокруг «чужих», «иноземцев». Таким образом, на поставленный Циммерман вопрос о возможном влиянии на Гандшина «коричневых» настроений, доходивших тогда из Германии, следует ответить отрицательно.

Что же касается Густава Риза, то публикуемое выше его письмо показывает, что он вовсе не собирался становиться тем исключительно американским ученым, каким его сегодня нередко считают. Риз хотел защитить диссертацию в Европе, а именно — у Жака Гандшина. И хотя задуманное им не осуществилось, сам по себе факт подобной попытки примечателен. Он указывает, в частности, на то, сколь относительно границы между научными школами. Американская и западноевропейская ветви музыковедения исторически столь неразрывно сплетены между собой множеством как известных, так и еще только открываемых (и подчас неожиданных, как изложенный выше сюжет) нитей, что — на некоем идеальном, однако отнюдь не вымышленном уровне — представляют собой единое научное сообщество. Возможно, сегодня единство это пока не слишком очевидно — но такого рода глубинные процессы в истории науки проявляют и реализуют себя в более длительной исторической перспективе. Если же мы примем во внимание российские корни научной ментальности Жака Гандшина, то полученная картина предстанет еще более объемной и многорезонансной — однако от этого не менее цельной.

²⁸ Циммерман приводит слова из статьи Гандшина 1936 года об «обескровливании» швейцарской науки, отказывающейся от притока сил из-за рубежа [16, 140].

Использованная литература

1. *Князева Ж.* Жак Гандшин в поисках своей науки. Письма Карлу Крумбахеру // Научный вестник Московской консерватории. 2016. № 1 (24). С. 110–123.
2. *Князева Ж.* Неизвестное письмо Игоря Стравинского Жаку Гандшину // Научный вестник Московской консерватории. 2017. № 1 (28). С. 54–65.
3. *Князева Ж. В.* Музыковеды о политике. Жак Гандшин и Ижини Англес: из писем 1930-х годов // Новые документы по истории искусствознания: XX век. Вып. 1. 1920–1930-е годы. СПб.: Петрополис, 2017. С. 59–83.
4. *Майер М.* Гандшин, Курциус и их книги 1948 года // Новые документы по истории искусствознания: XX век. Вып. 2: 1940—1960-е годы. СПб.: Петрополис, 2018 (в печати).
5. *Haar J. Reese, Gustav* // The New Grove Dictionary of Music and Musicians: in 29 vols. 2nd ed. Vol. 21 / ed. by S. Sadie and J. Tyrrell. London: Macmillan, 2001. P. 73–74.
6. *Kirnbauer M., Zimmermann H.* Wissenschaft »in keimfreier Umgebung«? Musikforschung in Basel 1900–1960 // Musikwissenschaft — eine verspätete Disziplin? Die akademische Musikforschung zwischen Fortschrittsglauben und Modernitätsverweigerung / hrsg. von A. Gerhard. Stuttgart; Weimar: J. B. Metzler, 2000. S. 321–346.
7. *Knjazeva J.* Jacques Handschin in Russland: Die neu aufgefundenen Texte / kommentiert und ediert von J. Knjazeva; red. M. Kirnbauer und U. Mosch. Basel: Schwabe, 2011. 1045 S. (Resonanzen: Basler Publikationen zur älteren und neueren Musik. 1).
8. *Libin L.* Otto Gombosi's Correspondence at the University of Chicago // Historical Musicology: Sources, Methods, Interpretations / ed. by St. A. Crist, R. M. Marvin. University of Rochester Press, 2004. P. 388–413.
9. *Maier M.* «Man weiss nicht, wozu es gut ist». Jacques Handschin, Ernst Kurth und der Münchener Lehrstuhl für Musikwissenschaft // Jahrbuch des Staatlichen Instituts für Musikforschung Preußischer Kulturbesitz. 2002. S. 280–294.
10. *Potter P. M.* Die deutsche der Künste. Musikwissenschaft und Gesellschaft vor der Weimarer Republik bis zum Ende des Dritten Reichs. Stuttgart: Klett-Cotta, 2000. 415 S.
11. *Reese G.* Music in the Middle Ages: With an Introduction on the Music of Ancient Times. New York: W. W. Norton, 1940. XVII, 502 p.
12. *Reese G.* Music in the Renaissance. New York: W. W. Norton, 1954. XVII, 1022 p.
13. *Roesner E. H.* Gustav Reese (1899–1977) // Musical Quarterly. Vol. LXIII. Issue 4 (1. October 1977). P. 579–581.
14. *Saffle M.* Reese, Gustav // Die Musik in Geschichte und Gegenwart. Allgemeine Enzyklopädie der Musik. 2., neubearbeitete Auflage. Personenteil. Bd. 13 / hrsg. von L. Finscher. Kassel u. a.: Bärenreiter; Metzler, 2005. Sp. 1397.

15. *Shepard J.* The Legacy of Carleton Sprague Smith: Pan-American Holdings in the Music Division of the New York Public Library for the Performing Arts // Notes. Vol. 62. No. 3 (Mar., 2006). P. 621–662.
16. *Zimmermann H.* Musikwissenschaft unter neutralem Regime. Die Schweizer Situation in den 20er bis 40er Jahren // Musikforschung — Faschismus — Nationalsozialismus. Referate der Tagung Schloss Engers (8.–11. März 2000) / hrsg. v. I. v. Foerster, Ch. Hust, Ch.-H. Mahling. 2. unveränderte Auflage. Mainz: Are Musik, 2004. S. 121–141.